

Октябрьская Ольга Святославовна

"СТРАННЫЙ" ГЕРОЙ-РЕБЁНОК В. М. ШУКШИНА: ТИПОЛОГИЯ ХАРАКТЕРОВ

В статье говорится о типологии характеров "странного" героя В. М. Шукшина, который несёт в себе черты детской психологии. В ходе исследования были выделены герой-деятель, герой-философ, герой-мечтатель, герой-счастливцев. Эти типы не охватывают всю характерологию В. М. Шукшина, но оказываются наиболее распространёнными в рассказах писателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 146-149. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

процесс обучения. Кроме того, современные игровые технологии позволяют значительно повысить уровень коммуникативной компетенции у студентов технического вуза. В настоящее время представлено большое количество разнообразных игр и необходимость их использования на занятиях по иностранному языку очевидна.

Список литературы

1. Держач А. А., Щербак С. Ф. Педагогическая эвристика: Искусство овладения иностранным языком. М.: Педагогика, 1991. 224 с.
2. Колбышева Ю. В., Коваленко Н. С. Формирование грамматических навыков на основе наглядности при обучении иностранному языку в техническом вузе (на примере института Природных ресурсов Томского политехнического университета) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (11). С. 99-101.
3. Макаровских А. В., Остроумова А. Ю. «Кьюбинг» как технология активного обучения иностранному языку студентов технического вуза // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33). С. 137-141.
4. Миньяр-Белоручев Р. К. Методика обучения французскому языку. М.: Просвещение, 1990. 224 с.
5. Пассов Е. И. Основы методики обучения иностранным языкам. М., 1977. 214 с.
6. Рогова Г. В., Рабинович Ф. М., Сахарова Т. Е. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М.: Просвещение, 1991. 287 с.

**GAME AS A MEANS OF LEXICAL SKILLS IMPROVEMENT OF NON-LINGUISTIC STUDENTS
(BY THE EXAMPLE OF INSTITUTE OF NATURAL RESOURCES OF TOMSK POLYTECHNIC UNIVERSITY)**

Ovchinnikova Ekaterina Sergeevna
National Research Tomsk Polytechnic University
ekaterinaovchinnikova2011@mail.ru

The article is devoted to the problem of the game use while the English language teaching of non-linguistic students for the purpose of their lexical skills improvement. It is shown that the use of modern game technologies during the improvement of lexical skills favours the increase in motivation for a foreign language studying, the rise in the level of communicative competence and the formation of multiple linguistic personality.

Key words and phrases: teaching lexical skills; stages of work on lexical material; game as a means of lexical skills improvement; types of speech activity.

УДК 8.82.09

Филологические науки

В статье говорится о типологии характеров «странного» героя В. М. Шукшина, который несёт в себе черты детской психологии. В ходе исследования были выделены герой-деятель, герой-философ, герой-мечтатель, герой-счастливцев. Эти типы не охватывают всю характерологию В. М. Шукшина, но оказываются наиболее распространёнными в рассказах писателя.

Ключевые слова и фразы: творчество В. М. Шукшина; «странный» герой; герой-деятель; герой-мечтатель; герой-философ.

Октябрьская Ольга Святославовна, к. филол. н.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
svyatolga@yandex.ru

«СТРАННЫЙ» ГЕРОЙ-РЕБЁНОК В. М. ШУКШИНА: ТИПОЛОГИЯ ХАРАКТЕРОВ[©]

Типология характеров героев В. М. Шукшина интересовала критиков и литературоведов с самого момента появления произведений этого писателя. К этой проблеме обращались В. А. Апухтина [1], В. И. Коробов [3], В. Ф. Горн [2] и другие. Исследователи не раз отмечали наличие необычного героя у В. М. Шукшина. Это герой, не вписывающийся в общую систему координат, воспринимающийся странным и среди своего окружения, и в читательской среде, и с точки зрения обыденного сознания. Такой персонаж очень эмоционален, легкораним, полностью подчинён эмоциональной стихии. Этот характер весьма напоминает детский тип сознания, где тоже на первый план выходит эмоциональная составляющая. Кроме того, типы характера, выявленные в произведениях В. М. Шукшина, очень напоминают основные типы детской характерологии. Прежде всего, речь идёт о ребёнке, который самоутверждается в поступке, в действии. Для иного типа детского сознания более характерно размышление, рассуждение. Порой ребёнок близок к поистине философским рассуждениям и даже открытиям. Мечты и фантазии – важная составляющая детского мышления. Эти особенности детского характера

выявлял в своих исследованиях К. И. Чуковский [5]. Ребёнок может жить в придуманном им мире, где ему уютно и комфортно. Все эти типологические особенности проанализированы в работах как литературоведов, так и психологов, к примеру В. Мухиной [4]. Сходные ситуации и похожую типологию характеров можно увидеть и в произведениях В. М. Шукшина, где можно выявить аналогичную характерологию.

Прежде всего, это герой-деятель, для которого главное – совершить поступок – и тем самым проявить себя. Амплитуда колебаний полезности или вреда этого поступка может быть самой широкой. Как правило, этот поступок ярок и значим. В то же время он может быть как сиюминутен, случаен, так и глубоко продуман. Герой Шукшина может спасти людей от гибели, предотвратив пожар на бензоколонке, а может «срезать» того, кто задрал нос выше «ватерлинии», может истратить все деньги на то, чтобы доставить жене радость – купить красивые сапожки, а может устроить драку и получить тюремный срок. Такой герой способен и разрушить церковь, и поднять весь народ за свободу и волю против бояр и князей. Этот герой несёт как созидательную, так и разрушительную силу. Он очень эмоционален в своих поступках. Конечно, автор чётко ставит акценты, и все его симпатии на стороне того, кто совершает праведный или просто благой поступок. Но многое оценит писатель доверяет читателю. Кроме того, сам герой, совершающий поступок, не всегда чётко осознаёт мотивы собственных поступков. Не случайно на вопрос корреспондента, что заставило Гриньку Малюгина броситься к горящей машине и отвезти её подальше от бензохранилища, ответил кратко: «Дурость» [6, т. 2, с. 124]. Душа этого героя полна противоречий и терзается разного рода искушениями и грехами. Нравственность или безнравственность, то есть качество, поступка самому герою не всегда возможно оценить объективно. В этом ему на помощь приходит автор. Но в то же время герой может осознавать необходимость совершения того или иного поступка. Почему такого героя можно назвать странным и необычным? Часто мотив его поступка непонятен окружающим, часто идёт вразрез с общими представлениями о нормах и правилах. Он не вписывается в привычные рамки, выламывается из них.

Вторым типом «странного» героя можно считать героя-философа. Он менее деятелен, его кипучая энергия уходит на другое. Он размышляет о важных проблемах, о государственном устройстве, стремится создать собственную концепцию жизни. Так, Николай Николаевич Князев пишет трактат о государстве, о важности каждого «кирпичика» в общем здании. Его трудолюбию и усидчивости можно только позавидовать, но его упрямство и назойливость оказываются притчей во языцех («Штрихи к портрету»). Философствующий герой любит порассуждать и о вечном, и о сиюминутном и насущном. Он размышляет об устройстве мироздания, роли добра и зла и их соотносённости друг с другом (поп из рассказа «Верую!»). Конечно, такой герой тоже способен на совершение поступка, но интересен он, прежде всего, своими размышлениями о жизни, своей философской позицией, тем более что она имеет свою оригинальную логику и отстаивается до последнего. В то же время она во многом наивна и алогична, что и вызывает несогласие или недоумение окружающих.

Ещё одним типом «странного» героя можно условно назвать героя-мечтателя. Такого типа герой часто тоскует. Он не может точно указать причины своей тоски, не всегда может передать словами свои эмоции, не всегда точен даже в оценке своего состояния: «Но у человека есть также – душа! Вот она, здесь, – болит!» («Верую!») [Там же, с. 538]. Шукшинский герой может просто мечтать, фантазировать о важных для него вещах. К примеру, «нелюдимый маляр-шабашник, инвалидный пенсионер» («Генерал Малафейкин») [Там же, т. 3, с. 63] Семён Иваныч Малафейкин мечтает о славе и власти над другими, хочет в глазах «усталого собеседника» выглядеть значительным и важным. Серую, невзрачную, обыкновенную жизнь Малафейкин расцвел обыкновенной ложью, так как самореализация этого персонажа кажется ему неудовлетворительной. Похожая ситуация запечатлена в рассказе «Миль пардон, мадам!». Бронька Пупков тоже сочиняет трогательную историю о якобы особом задании. Здесь тоже на первый план выходит явно выдуманная история о покушении на Гитлера, но и для автора, и для читателя Малафейкин и Пупков – фигуры абсолютно разновеликие. Если для Малафейкина самым важным оказывается эгоцентрическое желание продемонстрировать собственную значимость и важность и встать на один уровень с попутчиком, то пафос «вранья» Пупкова совершенно иной. Ему необходимо не просто стать одним из тех, кто внёс свой вклад в победу над фашизмом (он и так был на фронте санитаром), но и в порыве патриотических чувств приобщиться к общей победе более значительно и весомо. Что самое интересное, Малафейкин явно рисуется, играет, а Пупков проживает свою историю, он действительно верит, что всё было так, как он и рассказывает. Бронька с неподдельной скорбью переживает свою осечку и неудачу. Для жены и односельчан Пупков «харя... неумытая, скот лесной... глазыньки бесстыжие! Пупок!» [Там же, т. 2, с. 352]. Но автор по-доброму относится к такому фантазёру, он понимает широту души этого человека, его искреннее желание быть полезным и нужным в самый ответственный для Родины момент. Хотя идеализировать его нельзя.

Шукшинский герой-мечтатель, герой-фантазёр может обладать редким качеством – уметь радоваться за другого, сопереживать. Такой персонаж может быть любознательным и пытливым. Ему интересно, к примеру, сколько микробов в капле воды, в стакане, в ложке. Он не просто рассматривает разные жидкости, он уже мыслит себя учёным, стоящим на пороге важных открытий. Он самозабвенно рассматривает, что «вытворяют» «эти беленькие», пытается бороться с этим «злом», но быстро сдаётся под натиском жены. Реальность более жёсткая, чем мечта. Шубки для ребят важнее личных амбиций и мечтаний Андрея Ерина («Микроскоп»). Практически у каждого из шукшинских характеров есть какая-то потаённая или явная мечта-фантазия, которая отличает его от остальных, но в то же время и объединяет с «родственными душами». Это не просто мечтатели, а люди, ценящие первозданную природную красоту, кровно связанные с миром и жизнью природы. Не случайно именно гармоника, наигрывающая страдания, навеивает уже седовласому Матвею

Рязанцеву, герою рассказа «Думы», воспоминания о детстве, о бешеной скачке на лошади, о чувстве неразрывной связи природы и человека. «Слились воедино конь и человек и летели в черную ночь. И ночь летела навстречу им, густо была в лицо тяжким запахом трав, отсыревших под росой. Какой-то дикий восторг обуял парнишку; кровь ударила в голову и гудела. Это было как полет – как будто оторвался он от земли и полетел. И ничего вокруг не видно: ни земли, ни неба, даже головы конской – только шум в ушах, только ночной огромный мир стронулся и понесся навстречу» [Там же, с. 309]. Помнит Матвей и о трагической причине, по которой скакал тогда ночью в деревню, – умирал младший братишка, помнит и горе, которое пережил тогда и переживает до сих пор. Но сильнее оказывается другое – ликование души от бешеной скачки, игра чувств. Подросток впервые расправил крылья, получил ощущение полёта души.

Такое же детское ощущение безграничной радости от общения с младшим братишкой, от жизни вообще брат Чудика хранит в памяти много лет. «А помнишь? – радостно спрашивал брат Дмитрий. – Хотя, кого ты там помнишь! Грудной был. Меня оставят с тобой, а я тебя зацеловывал. Один раз ты посинел даже» («Чудик») [Там же, с. 342].

Уметь сохранить в себе эти детские ощущения, остроту чувств и свежесть впечатлений – отличительная особенность шукшинского «странного» героя. Одни персонажи постоянно пребывают в этом состоянии (к примеру, Чудик), другим необходимы особые условия, чтобы проявилась эта детская непосредственность. Третьи хранят её в памяти как величайшую драгоценность.

И наконец, последний тип «странного» героя Шукшина можно обозначить как герой-счастливцев. Этот герой уже не ищет счастья. Он понял, в чём оно состоит лично для него. Он очень дорожит этим счастьем, очень ждёт «гостью-минутку», которая дарует ему это блаженство. Как правило, герой оказывается один на один со своими мыслями, думами, переживаниями, размышлениями. Они не тяжелы для него, наоборот, возвышают душу, помогают отвлечься от суеты и обрести пусть минутный, но покой, внутреннюю гармонию и счастье. Герой всё забывает в этот момент, он закрыт для внешнего мира, даже для близких людей, его не заставишь заниматься чем-то ещё. Он всего себя до капельки отдаёт своему счастью, своему блаженству. Так, герой рассказа «Стенька Разин» не может удержаться ни на одной работе. Его увлечение – вырезание фигурок из дерева – кажется всем несерьёзными игрушками. «Куклы пошёл делать» [Там же, с. 19], – с насмешкой провожают Васёку односельчане. Но в этом умении он находит то, чего не видит во всех других видах деятельности: «Души нет в работе» [Там же]. Поэтому обычную житейскую суету он старается пропустить как можно быстрее: «Дома он наскоро ужинал, уходил в горницу и не выходил оттуда до утра: вырезал Стеньку Разина» [Там же, с. 22]. Результат его работы поражает силой и талантом. Автор не рассказывает, какое впечатление оказывает творение Васёки, а воссоздаёт целую историческую картину, которую с помощью маленькой фигурки удалось воскресить простому деревенскому пареньку. «Стеньку застали врасплох. Ворвались ночью с бессовестными глазами и кинулись на атамана. Стенька, в исподнем белье, бросился к стене, где висело оружие» [Там же, с. 24]. Это увлечение Васёки – целый мир, целая жизнь. Но понимает всю глубину этого мира лишь учитель Вадим Захарович. Именно благодаря ему герой понял главную тайну жизни – люди по природе добры, и надо уметь почувствовать их любовь к человеку и миру.

Для шорника Антипа Калачикова такой же страстью была игра на балалайке. «Это была страсть Антипа, это была его бессловесная глубокая любовь всей жизни – балалайка. Антип мог часами играть на ней, склонив на бочок голову, и непонятно было: то ли она ему рассказывает что-то очень дорогое, давно забытое им, то ли он передает ей свои неторопливые стариковские думы» [Там же, с. 155]. И если сначала игра Антипа раздражала его жену, то в какой-то момент она сама выходит на разговор с мужем, а его игра не только объединила, но и ещё крепче связала двоих стариков крепким узлом воспоминаний о молодости. Эти воспоминания не всегда оптимистичны и радостны. Они могут быть грустными и минорными, но они всегда светлые, тихие и очень проникновенные. «Антип подкрутил последний колочок, склонил маленькую голову на плечо, ударил по струнам... Заиграл. И в теплую пустоту и сумрак избы полилась тихая светлая музыка далеких дней молодости. И припомнились другие вечера, и хорошо и грустно сделалось, и подумалось о чём-то главном в жизни, но так, что не скажешь, что же есть это главное» [Там же, с. 157].

Такое драгоценное состояние тихой радости, блаженства, счастья наиболее ярко запечатлено в рассказе «Алёша Бесконвойный». Его субботнее парение в бане напоминает священнодействие, молитву. Перед парением у героя наступает просветление. «И сразу у него распухала в душе тихая радость. Он даже лицом светлел» [Там же, т. 3, с. 254]. Свежесть поленьев обозначена знаковыми эпитетами – «чистота сокровенная поленьев», а звук водной струи назван «небесно-чистым». Освещает это действие сакральный символ – огонь. И даже естественная мысль о смерти тщательно изгоняется – «душа воспротивилась дальше» [Там же, с. 264]. В результате наступает блаженное состояние умиротворения и счастья. «Всякое вредное напряжение совсем отпустило Алёшу, мелкие мысли покинули голову, вселилась в душу некая цельность, крупность, ясность – жизнь стала понятной. То есть она была рядом, за окошечком бани, но Алёша стал недосягаем для неё, для её суетни и злости, он стал большой и снисходительный» [Там же, с. 263]. В основу всего этого Шукшин ставит любовь к людям. И многие шукшинские герои отличаются именно этим качеством. И эта любовь к людям вызывает и счастье, и боль, и тоску – целую гамму самых разных чувств и эмоций.

Таким образом, типология характеров «странных» героев В. М. Шукшина и разнообразна, и во многом едина. Практически все шукшинские характеры детские. Они жизнелюбы и оптимисты. Каждый понимает своё жизненное предназначение по-своему, но все они выламываются из общепринятых норм и правил. И в этом их яркая индивидуальность.

Список литературы

1. Апухтина В. А. Проза В. Шукшина: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1981. 80 с.
2. Горн В. Ф. Характеры Василия Шукшина. Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1981. 248 с.
3. Коробов В. И. Василий Шукшин: вещее слово. М.: Молодая гвардия, 2009. 420 с.
4. Мухина В. С. Возрастная психология. М.: *Academia*, 2000. 456 с.
5. Чуковский К. И. От двух до пяти. М.: Мелик Пашаев, 2010. 448 с.
6. Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Молодая гвардия, 1992. Т. 2. 588 с.; Т. 3. 607 с.

“STRANGE” HERO-CHILD OF V. M. SHUKSHIN: TYPOLOGY OF CHARACTERS

Oktyabr'skaya Ol'ga Svyatoslavovna, Ph. D. in Philology
M. V. Lomonosov Moscow State University
svyatolga@yandex.ru

The article deals with the typology of characters of a “strange” hero of V. M. Shukshin who bears the features of child psychology. During investigation the author identified hero-action boy, hero-philosopher, hero-dreamer, hero-lucky fellow. These types do not cover all the characterology of V. M. Shukshin but they happen to be most common in the writer's stories.

Key words and phrases: creative work of V. M. Shukshin; “strange” hero; hero-action boy; hero-dreamer; hero-philosopher.

УДК 81'373:[811.161.1+811.161.3+811.112.2]

Филологические науки

Статья посвящена анализу фразеологизмов с компонентом «уши» в аспекте их репрезентации в немецком, русском и белорусском языках. В современной лингвистике интерес к данной проблеме углубляется в связи с актуализацией антропоцентрической парадигмы в гуманитарных исследованиях. Фразеологизмы с компонентом «уши» в немецкой, русской, белорусской лингвокультурах отражают особенности менталитета и традиций, свойственных представителям этих культур, поэтому важно выявить языковые проявления этих особенностей.

Ключевые слова и фразы: фразеологизм; образность; перевод; компонент «уши»; эквивалентность.

Пархомик Владимир Владимирович

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка
volodya.parhomick@yandex.ru

**ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «УШИ»
В НЕМЕЦКОМ, РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ[©]**

Одним из актуальных направлений исследования в современной лингвистике является изучение кинетических сторон поведения человека, которые играют решающую роль в устной коммуникации. В современной лингвистике интерес к данной проблеме углубляется в связи с ростом межкультурных контактов и актуализацией антропоцентрической парадигмы во многих науках, в русле которой выполнено настоящее исследование. Актуальность исследования определяется также недостаточной изученностью вопросов, связанных с описанием и анализом национальной специфики языков и культур на фразеологическом уровне.

Одним из аспектов рассмотрения проблемы эквивалентности является использование их в практике и теории переводоведения. Проблемами выделения и разграничения эквивалентов языковых единиц занимались такие видные ученые, как В. Н. Комиссаров, В. С. Виноградов, Л. С. Бархударов, А. Паршин, И. В. Афанасьева и др. У каждого из этих исследователей имелись определенные критерии, на основании которых ими были составлены классификации языковых эквивалентов. Согласно их теории могут быть выделены следующие виды эквивалентов: полные, неполные (частичные) и безэквивалентные фразеологические единицы.

Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения [1, с. 11].

Межъязыковая коммуникация, осуществляемая через посредство перевода, в наибольшей степени воспроизводит процесс непосредственного речевого общения, при котором коммуниканты пользуются одним и тем же языком [3, с. 43].

Цель исследования – проанализировать фразеологизмы с компонентом «уши» в немецком, русском и белорусском языках в структурно-семантическом аспекте. Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

1) выявить корпус фразеологизмов с компонентом «уши» во фразеологическом фонде русского, белорусского и немецкого языков;